

84(2-411.2)6-4

Д93

МА-409763

Владимир Дьяченко

Дневник унтер-офицера

А прежде поручика
лейб-кирасирского его высочества
наследника цесаревича и великого
князя Павла Петровича полка.
Времен государыни нашей
Екатерины

ПРЕДИСЛОВИЕ

Которое написано единственно для того, чтобы сгладить оторопь, какая охватит читателя буквально с первой минуты знакомства с прилагаемой рукописью.

История этой книги началась в день, когда я случайно узнал от родителей то, чему они совершенно не придавали значения. Что мои далекие предки по материнской линии когда-то жили в России. И что перебрались они во Францию после известных Парижских событий 1814 года.

Похвастаюсь, мои деды (с разным количеством приставок «пра-») были люди, как теперь говорят, не промах. С конца девятнадцатого века члены нашей семьи в любом приличном городе Иль-де-Франса могли ужинать в собственных ресторанах. Однажды в начале двадцатого века в одном из них, том, что на улице d'Antin в Париже, завтракал сам Дягилев, крайне взволнованный неурядицами вокруг ожидаемой через день или два премьеры его знаменитой постановки «Царя Бориса» в Гранд-опера. Это к слову.

Окрыляющая идея, что я, возможно, являюсь потомком какого-нибудь русского князя или знаменитого гусарского генерала заставила меня всерьез заняться воссозданием своей родословной.

Но краткая поездка в Россию разочаровала. Мои предки не оказались даже простыми дворянами. А один из них, по фамилии Ягин, живший в конце восемнадцатого века, и вовсе принадлежал к самой неуважаемой в России профессии. Тюремный надзиратель. Самой яркой страницей его жизни было то, что он надзирал за приговоренными к смерти приспешниками знаменитого разбойника и бунтовщика Емельяна Пугачева.

Мои новые родственники поведали, что один из этих заключённых, истомленный ожиданием казни, которую то и дело откладывали до поимки самого Пугачева, попросил нашего Ягина об услуге. Человеком Ягин был милосердным, просьбу исполнил. И вскоре тот заключенный тихо умер в своей камере. Предположительно от отравления неизвестным ядом. Поскольку от передачи яда до его применения прошел не один день, дознаватели не усмотрели связи этой смерти с моим сострадательным предком. Признался предок Ягин в содеянном, лишь достигнув почтенного возраста, когда никакие наказания уже не могут напугать человека.

Все, чем смог расплатиться с ним тот несчастный, были записки о его жизни, составленные в тюрьме. Какие он заблаговременно передал Ягину. Вкупе с обещанием, что спустя годы эти грязные, трепанные листы будут иметь много большую ценность, чем имеют сейчас.

Предок Ягин читать не умел и убрал записки в ящик с документами, которые потом, в грудe других, никем не читанных семейных бумаг переехали во Францию.

Вернувшись в парижскую квартиру, я разыскал эти бумаги. В глубине комода, в ящике, который не видал света лет, наверное, сто, я нашел то, что искал. Но не сами «Ягинские» записки, а их перевод на французский. Причем на тот, каким наш язык был в конце девятнадцатого века. Как оказалось, мой прапрадед, как и я интересовавшийся своими корнями, сам их перевел и даже предлагал местным издателям. Но то ли их чуждая французам тема, то ли удаленность описываемых событий во времени и пространстве... Интересы издательского мира они не вызвали. С тех самых пор рукопись лежала в комоде в ожидании, как оказалось, меня.

Уже с первых страниц я обнаружил, что описываемые в ней события кажутся мне знакомыми. По крайней мере уже пересказанные одним известным русским писателем. В ближайшей библиотеке, где нашлись книги этого писателя, я убедился в верности своих предположений. Вот только персонажи, наполняющие эту историю, а также их имена и фамилии не совпадали совершенно. Не сумев найти среди кипы сохранившихся бумаг оригинальный русский текст, я взялся за обратный перевод. Для упрощения своей

задачи постоянно сверялся с повестью русского писателя. Погружаясь в работу, вскоре понял, что читаю два совершенно разных рассказа об одной и той же череде событий. Не часто, но мне все же попадались обороты, абзацы и даже страницы, совпадающие по содержанию. В таких случаях я позволял себе переносить фрагменты в свой текст с возможно минимальными изменениями. В тех же случаях, когда описания очевидно противоречили друг другу, что было почти постоянно, я строго придерживался той рукописи, что досталась мне.

В завершение, зная, что в России имена героев были изменены еще при первой редакции, я решил поступить также. Дал своим персонажам те имена, какие они получили когда-то от русского редактора. Надеюсь, что таким образом я лишь укрепил прямую связь этих двух повествований об одном и том же. Не более.

Такова история появления моего перевода. Возможно, несовершенного, но выполненного старательно и с полным осознанием своей ответственности.

Avec mes remerciements,
Votre V.D.

1.

НОВЫЙ ОФИЦЕР

К концу шел второй год моей жизни в Белогорской крепости, когда в ней появился Петр Гринев. Юный повеса, едва семнадцать лет, прошедший детство где-то в Симбирском захолустье, в деревне, принадлежащей его отцу, средней руки помещику и дворянину. История появления Гринева в крепости была довольно странная. Едва родившись, младенец Петруша уже был записан родителями не абы куда, а в Семеновский полк. Тот самый, лейб-гвардии Семеновский полк Российской Императорской гвардии. Такого, без внушительной протекции, никак было не получить. Но папаша, служивший, говорят, еще при славном генерал-фельдмаршале графе Минихе Христофоре Антоновиче, видно сохранил старые связи и сумел заготовить единственному сынку теплое место. При его верном расчёте Петруша, по достижению служебного возраста, должен был бы отправиться в стольный Петербург в расположение полка, куда был приписан.

Но однажды, даже не дав сыну толком возмужать, отец поменял решение. И вместо лелеянного в мечтах и надеждах Санкт-Петербурга, где

ненаглядное дитя могло бы припеваючи существовать под крылом старого отцовского товарища, Петруша оказался в глухой пограничной крепости на краю России, посреди унылых киргиз-кайсацких степей. В такие места направляли или, вернее сказать, ссылали за некие серьезные воинские провинности. Однако Гринев был маловат для провинностей такого рода, да и на воинской службе, хотя и в чине прапорщика, пока состоял лишь формально.

Одно слово – недоумение. Однако позже этот факт прояснился.

Изба, куда комендант определил Гринева, была разделена пополам. В другой половине уже который год проживал строевой инвалид Семен Кузов со своей семьей, женой и тремя детьми. У заслуженного вояки была милая и безобидная странность. Участник сразу нескольких прусских кампаний, он не снискал особой славы, но в ходе одной из них разжился необыкновенным для той поры предметом. Снял с шеи убитого им в штыковой атаке прусского офицера прибор, называемый биноклем, системы некоего итальянского баламута по имени Галилео. Бронзовое полированное чудо о двух раструбах, куда вставлены круглые выпуклые стекла, приближающие всякий предмет к глазам. Кузову хватило смекалки упрятать добычу в походный ранец и не извлекать до самого возвращения домой. Зато теперь каждый ясный вечер, сидя на завалинке,

он с улыбкой и удовольствием первопроходца подносил к глазам трофей и через его стекла разглядывал повисшую над крепостью луну, различая на ее поверхности дивнокруглые неровности и темные пятна, которые самодовольно называл кратерами, морями и океанами.

В один из таких морозных вечеров, когда небо звенит прозрачностью и свободой от облаков, а звезды кажутся больше и ближе, чем бывают обычно, Кузов приобщил к созерцанию лунных прелестей случайно вышедшего из другой половины дома Савельича, крепостного, прибывшего вместе с молодым Гриневым по распоряжению его родителя «для всеобъемного надзора за нестойким дитятей». Савельич, человек земной, умиления старого солдата звездным небом не разделил, но, когда беседа коснулась существования в крепости и объединяющих житейских забот, охотно поддержал разговор. На шутливый вопрос, почему считает барина своего нестойким, во всем обвинил проклятого француза по имени Бопре. Сего Бопре, как пояснил Савельич, папаша Гринев выписал из столиц ради обучения сына Петруши разным наукам и языкам. Особо, ясное дело, французскому.

Родители Гриневы надеялись, что поселили в семейном гнезде учителя и наставника, способного направить воспитание их сына в русла строгости и ответственности. А на деле приютили беспутника, выпивоху и жаркого домогателя до

Содержание

1. Новый офицер.....	7
2. Ермолай	14
3. Знакомство	31
4. Ярославский Драгунский полк.....	42
5. Маша	60
6. Поединок.....	74
7. Пугачевщина.....	93
8. Битва.....	99
9. Казнь.....	107
10. Комендант	115
11. Письмо	127
12. Предатель	144
13.	159
14. Эпилог	160

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

Размещение полного текста данного произведения невозможно в связи с ограничениями по IV части ГК РФ.

Эту книгу Вы можете почитать, обратившись в отдел краеведения Оренбургской областной универсальной научной библиотеки им. Н. К. Крупской по адресу: г. Оренбург, ул. Советская, 20.